

Удивительное разнообразие языков философии

Ю.М. Шилков

**Выступление в рамках круглого стола
«Философ и общество. Язык философии»
«Дни Петербургской философии», 17 ноября 2007 г.
(председатели — Ю.Н. Солонин, Б.В. Марков)**

Моё выступление носит условное название: «Удивительное разнообразие языков философии». Я попытаюсь конкретизировать в первом приближении те штрихи и замыслы, которую мы рассматриваем как начальную точку отсчёта. Я отталкиваюсь от достаточно распространённой гипотезы о том, что язык является универсальным способом концептуализации, означивания, выражения, презентации всего состава философских представлений, понятий и моделей. Без языка философия немислима.

Нам следует, прежде всего, задуматься над тем пластом языкового состояния философии, которое было характерно для разных культурно-исторических эпох, начиная с эпохи формирования языка философии. Далее следуют классическая эпоха и переход к современному состоянию философии. Эти языки удивительно разнообразны. Всё, что связано с языком, носит двойственный, одновременно утончённый и усложнённый характер. Дело в том, что на сегодняшний день, например, никто не прописал роль латинского языка в средневековой и классической философии. Никто не представляет себе роль греческого языка во всех его ипостасях: каким концептуальным ресурсом обладал этот язык, почему к выраженной на нём философии обращаются до сих пор, доходя порой до натурального плагиата? Обращение к национальным языкам, их роли и значимости — кропотливая работа, которая, на мой взгляд, не может ограничиваться лишь ресурсами философов. Философы не отдают себе отчёта в том, что тот язык, на котором они говорят, говорит за них, обладает автономией. К тому же, тот или иной автор при написании текста использует лишь незначительную часть ресурсов языка.

Я не раз убеждался в том, что русский язык как инструмент концептуализации, как инструмент выражения философских понятий есть интеграл, дистанцированный от наших философов. Язык побаивается философов, а они, в свою очередь, его боятся и не понимают, ведь русский язык немедленно выдаёт все «ляпы». Быть может, я излишне прямолинеен, но эта проблема представляется мне весьма существенной.

Теперь мы можем обратиться к языкам современной философии. На мой взгляд, существуют значительные различия в языках, которые характерны, к примеру, для феноменологии, прагматики, аналитики, экзистенциализма. Другой пример — (суконный, но весьма своеобразный) язык марксистской философии. Суконным он становится в нашем, отечественном варианте, потому что эффекты русского языка для демонстрации аргументов марксизма так и не были задействованы. Совсем другая ситуация была во Франции, Англии или Италии. Марксизм потому в течение столетия триумфально шествовал по Европе, что для своего выражения использовал богатейшие ресурсы национальных языков. Эти языки способствовали соответствующей концептуализации, зачастую удивившей в сторону от ортодоксальной интерпре-

тации марксизма. Мы же занимались наклеиванием ярлыков. Точно так же в своё время мы не принимали кибернетику и генетику — именно из-за сложности используемых ими языков. Гораздо проще было тогда назвать эти науки «продажными девками империализма».

Я напомнил об этих моментах нашей истории лишь для того, чтобы обратить внимание на многообразие языков современной философии, которые всегда связаны с некими устойчивыми традициями задействования ресурсов национальных языков. Я могу сослаться в качестве примера на язык Этьена Жильсона: неотомистский язык используется у него очень аккуратно и в то же время торжественно, что делает перспективу, с которой работает Жильсон, весьма привлекательной. Те проблемы, я которых я говорю, разрешимы лишь в одном случае: если мы будем серьёзно относиться к языку как инструменту концептуализации, так, как это делал Жильсон.

Я хотел бы также обратить внимание на конкретизацию стоящих перед нами проблем. Мы можем, к примеру, написать очередные «Картезианские размышления» (по аналогии с Эдмундом Гуссерлем) или вариации картезианской лингвистики (по образцу Ноама Хомского), однако, если мы говорим о языках философии, мы должны обращаться к языку Декарта как таковому. Соответствующие представления присутствуют в европейской литературе едва ли не повсеместно. Однако те трансформации, которые претерпевает язык Декарта в русско- или англоязычных транскрипциях, остаются вне нашего внимания. Почему до сих пор ругают Ницше? Да потому, что Ницше был метафористом, он работал как профессиональный филолог. Когда его пытаются понять как философа, ему непременно приписывают какую-то идеологию. Все тонкости языка, которыми блестяще владел Ницше, остаются в тени. Поэтому за него всегда что-то договаривают, выстраивая соответствующие модели. Разнообразие частных версий, частных проблем, связанных с языками философии, на мой взгляд, просто необходимо.

И, наконец, следует обратить внимание на связь языков философии с языками человеческой культуры. Сегодня выходит огромное количество литературы по проблеме коммуникации, большей частью эта литература безграмотна. Филологи иницируют безграмотную, нетеоретизированную совокупность представлений. Будучи профессионалами эти авторы пытаются выстраивать бесосновательные и неконцептуализированные теоретические конструкции. Дело в том, что у них нет методологии. А между тем в отечественной культуре накоплен огромный опыт, который можно приложить к этой области. Я бы сослался на коммуникационный опыт историков. Обратите внимание, например, на известный ежегодник «Одиссей»: здесь прекрасно работает связка языка философии с языком истории. Другим примером может служить докторская диссертация по истории профессора Юрганова, текст которой нанизан на язык философской инфраструктуры. Именно здесь он находит концептуальные опоры, на основании которых анализирует конкретную историческую ситуацию. Журнал «Новое литературное обозрение» также даёт пример великолепного союза философа и филолога. Здесь мы можем встретить статьи философов, отличающихся очень тонким филологическим знанием и, наоборот, статьи филологов с очень точным владением языком философии. Сегодня философы в большинстве своём даже не заглядывают в это периодическое издание, считая это ниже своего достоинства.

Всё, о чём я говорил, представляет собой лишь штрихи к более общему замыслу, причём весь перечень их мною, конечно же, не исчерпан.